

МЕТОД СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Категория «метод литературно-критической деятельности» осмысливается с точки зрения онтологической герменевтики, выделяются основания типологии литературной критики. На материале литературно-критической практики «толстых» журналов рубежа XX–XXI вв. исследуются скрытые механизмы функционирования критики в ситуации кризиса, динамика ее развития.

Ключевые слова: литературная критика; интерпретация; метод литературно-критической деятельности; «толстый» журнал; прагматика.

Эпистемологическая парадигма отечественной теории критики – это, по сути, парадигма классической позитивистски ориентированной познавательной герменевтики. В рамках этой парадигмы возникло и то определение литературной критики, которое закрепилось в словарях, и представление о том, что критика обращается к литературному произведению как к смыслодержательной, а не смыслопорождающей системе¹. Акт интерпретации литературных явлений в большей или меньшей социальной обусловленности видится исследователями основой литературно-критической деятельности, а категория «метод» обретает статус гносеологически значимой.

В XX в. с появлением работ М. Хайдеггера, П. Рикера, Г. Гадамера герменевтика из методологии перемещается в онтологию. Складывается другая эпистемологическая парадигма, в рамках которой понятие «интерпретация» наполняется онтологическим смыслом, означая сам способ бытия, и не отрывается от самоинтерпретации; категория истины не отделяется от процесса понимания, а позитивистское осмысление категории метода обнаруживает несостоятельность (см.: [2])². В соответствии с герменевтико-онтологической концепцией литературно-критической деятельности, понимаемая как акт (само)интерпретации, претендующей на общезначимость и формализованной в последующем акте текстопорождения, несомненно, шире акта истолкования литературного явления. Такое понимание литературной критики позволяет по-новому осмыслить одну из дискуссионных проблем теории критики – проблему метода.

На наш взгляд, самая общая модель критической деятельности имеет следующий вид. Над уровнем истолкования текста и его оценки надстраивается уровень гносеологической и коммуникативной установок, которые обуславливают программу интерпретации. Первая установка имеет вид «вопроса»³, который во многом определяется социокультурной ситуацией, в которой функционирует критик как «вопрошающий». Вторая является важным структурообразующим фактором, поскольку именно вокруг реципиента формируется вся коммуникативная модель литературно-критической деятельности⁴. Эта деятельность представляет собой прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором классе ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых коммуникатор, руководствуясь конкретными практическими целями, озабочен доведения до сведения адресата определенной информации⁵.

Литературная критика – сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания – первичное (мгновенное прозрение истины

бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание). Вторичный акт М. Хайдеггер называет методологическим. Совмещение герменевтико-онтологического и коммуникативного подходов позволяет распространить признак методологического и на первый акт критической деятельности, поскольку даже первичное восприятие критиком литературного явления направлено установкой на реципиента, на последующий акт текстопорождения, на реализацию той или иной предварительной целеустановки. Это возможно при условии переосмысления категории «метод», снятия с нее научно ориентированного содержательного компонента.

Актуальное для нас понимание метода литературно-критической деятельности охватывает все компоненты структуры критической деятельности: литературное явление – критик – критический текст – реципиент. Общая стратегия, организующая процесс истолкования и оценки литературного явления и его преломления в акте текстопорождения, выстраивается критиком в зависимости от коммуникативной и интерпретационной (в онтологическом смысле) установки. Такое понимание метода предусматривает разную глубину интерпретации, разное качество самопрезентации, разную степень эксплицированности прагматического воздействия.

Методы гуманитарного научного познания используются критиком не в «чистом виде», переосмысливаются. Редуцируется жесткое требование научной доказательности, логической аргументированности; необязательным становится требование целостности в подходе к произведению⁶. Одновременно в критическую деятельность привносится субъективность. Речь должна идти не только о той доле субъективности, которую предусматривает гуманитарное познание, но и о субъективности, которая в критике может выполнять роль аргумента (часто впечатление от прочитанного оказывается основой для формулирования оценки)⁷.

Итак, критика использует метод, в котором обнаруживаются признаки гуманитарного метода познания, который обладает специфическими свойствами, не позволяющими отождествить его с научным инструментарием. Такой вывод обнаруживает проблематичность выделения типологии литературной критики, которая не должна дублировать специальные литературоведческие методы и для которой необходимо искать новые классификационные критерии.

Критерием первой классификации можно считать доминирование в целеполагании аналитического или прагматического компонента. В соответствии с ним классификация метода литературной критики имеет следующий вид: аналитико-ориентированный, прагматико-ориенти-

рованный (первыми обозначены доминирующие компоненты) и аналитико-прагматический. Определение доминанты возможно по следующим основаниям.

Авторская формулировка цели/задачи. Как правило, прагматическая цель не вербализуется критиком, в то же время ее наличие в структуре цели обязательно. В таком случае редкий факт вербализации будет значимым (возможно, и определяющим) в определении доминанты. Фиксирование аналитической цели/задачи не будет являться объективным показателем значимости аналитической компоненты ввиду частотности вербализации именно этой целеустановки при активной реализации цели прагматической).

Разнообразие приемов, реализующих прагматическую компоненту цели. Эти приемы вычлняются в каждом литературно-критическом тексте и потому не могут являться показателем доминирования того или иного компонента цели. В то же время их разнообразие в рамках отдельной статьи свидетельствует об осознанной ориентации автора именно на прагматическую цель.

Литературно-критическая оценка. Факт ее наличия также не является показателем преобладания той или иной компоненты метода. Вместе с тем множество оценок в рамках одного текста, высокая степень их экспрессивности, обозначение критерия оценивания, несомненно, указывают на значимость прагматической цели «внушить читателю собственную шкалу оценки», «заразить» собственной положительной/негативной/нейтральной оценкой.

Коммуникативный статус реципиента. В прагма-ориентированных текстах читатель выступает в роли активного соучастника суждения о литературном произведении/явлении, в аналитико-ориентированных – в роли «молчаливого собеседника».

Степень эмоциональности/экспрессивности. Высокая степень экспрессивности может служить дополнительным (но не обязательным) показателем доминирования прагматической составляющей метода. И наоборот, бесстрастность, эмоциональная «скудость» суждений свидетельствует о наличии, но не выраженности названной компоненты.

Анализ литературно-критических статей, опубликованных в «толстых журналах» конца XX в., по перечисленным основаниям позволяет дополнить описание каждого метода.

Аналитико-ориентированный метод реализует однотипную прагматическую цель критика – убедить читателя в верности собственных суждений. Он использует инструментальный арсенал специальных научных методов. Научная ориентированность выполняет прагматическую функцию – создает у реципиента ощущение достоверности суждений. У критика нет необходимости в развернутой системе прагматических приемов. Как правило, этот метод не «покушается» на ментальные, ценностные установки реципиента. Статус автора, избравшего эту стратегию (исследователь), как правило, часто проявляется в проговаривании этапов интерпретации литературного явления.

Ведущий пафос прагматико-ориентированного критического повествования – разоблачение и приведение к норме. Чаще всего прагматическая компонента цели преодолевает границы ситуативности (убедить в вер-

ности собственной концепции/оценки/точки зрения) и воздействует на ментальные установки реципиента. Невозможно определить систему устойчивых приемов воздействия на реципиента, используемых критиками. В прагмаориентированных работах, опубликованных в конце XX в., используются, например, выражение согласия с оппонентом в целом, но акцентирование расхождения в принципиальных частностях; ссылка на авторитет; соотнесение с советским, соцреалистическим как способ формирования негативной оценки у реципиента; доведение аргументов оппонента до логического конца; акцентирование простоты собственных выводов, а значит, их очевидности; схематизация концепции оппонента⁸. Аналитическая компонента в таких текстах ориентирована на реализацию прагматической цели⁹. Автор субъективирован (выделен как субъект речи), непосредственно выражает свое мнение, оценки, регулирует ход восприятия текста реципиентом, фиксирует движение собственной мысли. Однако возможен и обратный способ самопрезентации – намеренная десубъективация (говорение от лица группы – поколения, направления, читательской аудитории, русских). Критик нередко использует прием моделирования идеального или заблуждающегося образа реципиента, предполагая идентификацию реального читателя с первым¹⁰, выражающим авторский взгляд.

Вторым основанием классификации является направление интерпретации. Литературно-критические тексты «толстых» журналов дают основание выделить три направления: интерпретация Я-центричная, тексто(авторо)центричная и интерпретация, направленная на читателя.

Направление в контексте нашего исследования приобретает значение стратегии, направляющей интерпретацию и оценку литературного явления. В соответствии с этим критерием все множество литературно-критических статей делится на три группы.

Я-центричная интерпретация наиболее явно отражает процесс самоинтерпретации в результате понимания литературного явления. Интерпретационные усилия критика направлены его «Я»: убеждениями, «вопросами» и «ответами». В процессе понимания текста критик «вычитывает» актуальные для него смыслы. В такого типа текстах возможно наиболее точно провести параллель между вычлняемыми смыслами и личностью интерпретатора. Средства прагматики будут использованы для убеждения читателя в истинности своих взглядов на бытие, ценности (работы И. Дедкова, К. Степаняна, Е. Иваницкой, С. Чуприна, В. Кардина в «Знамени», И. Роднянской, Л. Аннинского, Д. Бавильского, Н. Елисеева в «Новом мире», Н. Скатова, В. Курбатова, И. Соловьевой в «Нашем современнике» и др.). О возможности такой интерпретации литературного явления, которая направлена на себя, свидетельствуют сами критики. Так, Д. Бавильский пишет: «Проблема не в креативном потенциале творческой личности (она либо творческая, либо нет), но в сознательном следовании определенным наклонностям и предпочтениям: хочешь ли ты говорить о себе напрямую или через посредство чужого слова» [10].

Тексто(авторо)центричная интерпретация не отменяет самоинтерпретации, однако направление на текст

становится главным смыслообразующим и текстообразующим фактором. Средства прагматики способствуют усилению аргументации в ходе анализа литературного явления. Текстцентричны статьи М. Эпштейна, А. Якимовича, Е. Тихомировой, О. Дарка, П. Вайля, В. Новикова, М. Липовецкого и др., автороцентричны работы Н. Ивановой, А. Немзера, О. Славниковой, Д. Бавильского и др.

К третьей, весьма малочисленной, группе отнесем статьи, в которых направление интерпретации смещено в область реципиента, его ожиданий. Интерпретация, направленная на читателя (или убеждающая), обнаруживается в тех критических текстах, где литературное явление оказывается поводом, средством для убеждения читателя в собственных взглядах (социальных, нравственных, эстетических и т.п.). Риторически насыщенные, такие тексты ориентированы на реципиента как авторитетную инстанцию. Читателецентричны статьи А. Агеева «Варварская лира» [8], Р. Арбитмана «Долгое прощание с сержантом милиции» [11], О. Дарка «Принесенные в жертву» [12], В. Новикова «Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия» [13], В. Камянова «В тесноте и обиде, или “новый человек” на земле и под водой» [14], С. Костырко «Чистое поле литературы. Любительские заметки профессионального читателя» [15]. Критики акцентируют наше внимание на том, что смотрят/оценивают то или иное литературное явление глазами простого читателя.

По сути, в данных группах публикаций проявляются три разные основания истины (авторитетные инстанции). В первом – «я», мое личное восприятие, мой опыт, во втором – автор и его интенция, в третьем – авторитет большинства. Большую же часть статей составляют те, в которых наблюдается совмещение двух, в редких случаях трех направлений.

Анализ литературно-критической практики рубежа XX–XXI вв. (на материале журналов «Новый мир», «Знамя», «Наш современник»), с точки зрения ориентированности ее на ту или иную описанную нами стратегию, дает возможность выйти к неким гносеологическим основаниям критики этого периода, выявить скрытые механизмы ее функционирования в ситуации кризиса, увидеть динамику развития.

На выбор того или иного метода/стратегии влияет социокультурная и коммуникативная ситуация. Одним из значимых признаков ситуации в России конца XX в. стала утрата литературоцентризма. В этих обстоятельствах литературная критика переживает острый кризис, связанный с потерей читателя, снижением «достоверности слова», утратой авторитетности. Проблема выживания критики в этих условиях – особенно болезненно рефлекслируемая – может быть осмыслена как экзистенциальная, сопряженная с переживанием утраты былого статуса, аудитории и попытками самоидентификации, выживания в обновившихся культурных обстоятельствах. Эта проблема определяет коммуникативный контекст и гносеологическую ситуацию литературно-критической деятельности.

С 1992 по 2002 г. литературная критика переживает эволюцию, связанную со сменой гносеологических ориентиров и, соответственно, методологических установок. Это заметно в критических текстах, объединен-

ных объектом «общественное сознание и его художественное исследование». В статьях, опубликованных в 1991–1992 гг. в «Знамени», «Новом мире», «Нашем современнике», доминирует прагмаориентированный метод. В его рамках в первых двух журналах выделяется «реставрационная» стратегия, направленная на разрушение, отсечение тех ментальных проявлений, которые генетически восходят к советской ментальности, и на восстановление нормы. Происходит «реставрация» тех ценностей/фактов, а главное, мировоззренческих установок, которые перенесли разрушительное идеологическое воздействие советской эпохи¹¹. Характерно, что носителем исследуемых отклонений от нормы для критики оказывается не все общество: у А. Агеева это поэты-патриоты [8], у Н. Ивановой – люди с «чистеньким» идеологизированным сознанием [16], у А. Якимовича – новая интеллигенция, сформированная советскими условиями [9], у М. Липовецкого – разоблачители, носители и создатели мифа о шестидесятниках [17]. Каждый раз предполагается, что помимо обозначенного критиком социального слоя есть другие, сочувствующие, что позволяет критику осмысливать ту или иную проблему как остросоциальную, а также более широкая масса людей, в которых живо понятие нормы, от которых и представляет критик. Неактуальность «реставрационной» стратегии для критики «Нашего современника», на наш взгляд, связана с ориентированностью журнала на разоблачение новых властных структур и тактик манипулирования общественным сознанием, на злободневные проблемы. Советская эпоха в глазах критики в большей степени ассоциируется с еще живыми представлениями о народной культурной традиции как средоточии духовного потенциала нации и ее носителях («деревенская» проза).

Другая стратегия в рамках того же прагмаориентированного метода и того же временного отрезка – «корректирующая» – направлена на осмысление порожденных современностью отклонений от нормы в сознании современника, актуализацию этой нормы. Между первой и второй обнаруживаются сближения (интерпретация с точки зрения ценностных ориентиров, оппозиция как структурообразующее начало) и отличие¹². Норма в виде определенного ценностного ориентира эксплицирована в тексте и, как и в рамках первой стратегии, чаще всего ассоциируется с классикой¹³. Эта стратегия охватывает большинство критических текстов «Нашего современника», поскольку более всего соответствует установкам журнала, позволяет внушать читателю систему ценностных координат, которая оформилась в триединство «православие, самодержавие, народность».

Носителями отклонений от нормы являются, так же как и в первом случае, определенные социальные слои: молодое поколение 1980-х гг. (С. Рассадин [18]), «борцы» с идеологическим сознанием (А. Агеев [8]), аналитики, накладывающие схемы на многообразную жизнь (И. Дедков [19]), архивисты, необъективные исследователи (А. Пурин [20]), либеральная интеллигенция, западники, писатели-экспериментаторы (в статьях «Нашего современника») и т.п. В то же время всегда отмечается, что исследуемые негативные проявления сознания «симптоматичны», «типичны».

Со второй половины 1990-х гг. критика перенастраивает свой метод на аналитику. Возникает третья стратегия (самая распространенная в журналах «Новый мир» и «Знамя») – аналитическая (в рамках аналитико-прагматической стратегии). Она направлена на безоценочное осмысление новой ментальности, ее эволюции¹⁴. Критика фиксирует черты сознания современника, оказавшегося в экзистенциальной ситуации кризиса, которые не противостоят и не соответствуют некоей ценностной норме. Неслучайно появление в статьях этой группы характеристик, связанных с традицией литературного и философского экзистенциализма – тошнота, застигнутость, неизвестность, отчаяние, тревога, ужас. Актуальным становится не нравственно-ментальный план, а ментально-психологический. Показательно и то, что эта критика пишет не о какой-то части социума, а обо всех, о всеобщем состоянии сознания и самосознания. Аналитическая стратегия ориентирована на поиск и анализ «симптомов». Вероятно, это напрямую связано с потерей критикой статуса ведущей, ориентирующей читателя, обладающей авторитетным знанием. Теперь она идентифицирует себя с аналитиком.

Сравнение статей «Нового мира» и «Знамени» позволяет говорить о разности аналитических установок критиков и критики. Критика «Знамени» в большей степени «Я»-ориентирована, в ней более выражен экзистенциальный путь осмысления проблемы реальности и ее утраты, акцентирована связь интерпретируемого текста с актуальной социальной, ментальной действительностью, личными переживаниями критика. Критика «Нового мира» в большей степени ориентирована на текст и литературный контекст. Подтверждают наш вывод об отличиях аналитических установок в журналах и наблюдения за сменой этих установок у авторов, публикующих свои статьи в разных журналах. Так, А. Немзер публикует в «Знамени» работы, в которых актуализируются моменты общего культурного, ментального кризиса [23], анализируются художественные произведения как отражения процесса самоидентификации авторов в ситуации слома ценностных ориентиров [24]. В «Новом мире» за эти же годы критик публикует работы иного плана: «Что? Где? Когда? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путеводителя» [25], в которой он следует «за текстом», анализируя пространственно-временную специфику романа, систему персонажей; «Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности» [26], где автор предлагает обзор современных романов-предсказаний, сводя к минимуму факт корреляции с восприятием истории современника.

К концу 1990-х – началу 2000-х гг. критика «Нашего современника» становится более аналитичной – исследует философию постмодернизма, авангарда, их потенциал разрушительного воздействия на сознание современника. Одновременно сужается ракурс видения и интерпретации литературной действительности – от обзора современной поэзии/прозы, угадывания некоторых тенденций ее развития, обязательно соотносимых с социальными проблемами¹⁵, к анализу отдельных произведений или группы текстов одного автора¹⁶. Показательна невостремленность в это время оппози-

ции «борьба – пацифизм», которая была структурообразующей в статьях «Нашего современника» первой половины 1990-х гг. Если критика журналов «Новый мир», «Знамя» демонстрирует личностный тип идентификации, предполагающий самоопределение в нравственных, мировоззренческих координатах, самоосмысление в сложной экзистенциальной ситуации, то критика «Нашего современника» ориентирована на идентификацию социальную, возникающую из осознания своей принадлежности к «патриотической» социальной группе и придания этому факту ценностного значения.

В метакритических текстах (объектом которых является сама литературная практика), наблюдается то же движение от прагматики к аналитике. В ситуации кризиса критика особенно активна в саморефлексии, обращается к литературным произведениям как опыту авторского (само)понимания, оценивает их с точки зрения глубины/истинности/адекватности (само)интерпретации, с точки зрения наличия «ответов». В работах этой группы критика интересуется больше содержательный аспект, чем художественный. Истолкование здесь принимает вид вычленения из художественной структуры «ответа». Обращение к художественному тексту как варианту «ответа» особенно характерно для статей, написанных во второй половине 1990-х гг. в рамках аналитикоориентированной стратегии.

В отличие от «Нового мира», «Знамени», критика которых обращается к творческой и жизненной судьбе писателей как к возможному ответу на экзистенциальные, онтологические вопросы, критика «Нашего современника» представляет читателю тот или иной портрет писателя как подтверждение верности утверждаемой журналом системы ценностей. Общая прагматическая компонента цели критика в статьях-портретах – предложить читателю ценностный ориентир, представив его воплощение в образе Л. Бородин, Л. Кококулина, Е. Буравлева, С. Наровчатова, О. Фокиной, Б. Примерова, Н. Тряпкина. Элемент идеализации в сопряжении с героизацией образа писателя составляет суть выбираемой критиком прагматической коммуникативной стратегии.

Динамика метода обнаруживает явную закономерность, которая проясняет процесс самоидентификации критики в 1990-е гг. В журнале «Знамя» в начале 1990-х гг. (1991–1993) статей с прагматической доминантой метода в два раза больше, чем аналитически ориентированных. В критике торжествует пафос разоблачения, восстановления нормы, он обуславливает доминирование прагматического компонента в методе и определяет направление аналитики (типичной стратегией развертывания аналитики становится сталкивание мифа/отклонения от нормы с фактами/нормой). Прагматика «Нового мира» не столь «агрессивна», теснее связана с интерпретируемым литературным материалом. К середине 1990-х гг. (1994–1996) в критике «Знамени» обнаруживается динамика в группе текстов с аналитической доминантой (их число постепенно растет) и уже к концу 1990-х гг. (1997–1999) достигает количества, в три раза превышающего начальное число¹⁷. Прагаориентированная критика к концу 1990-х гг. теряет количественное превосходство, теперь соотношение между двумя группами оказывается обратно пропорциональным.

Наблюдение за динамикой направления интерпретации соотносится с описанной выше. В текстах «Знамени» периода 1991–1993 гг. преобладает факто(тексто)центричный ракурс критической деятельности, немногим меньше работ Я-центричных (определяющим становится ракурс собственного видения интерпретируемого). Автороцентричных текстов – минимум. В период 1994–1996 гг. фиксируем рост текстов с ориентацией на Я критика, а к концу 1990-х гг. – их резкий спад. Такой же спад наблюдаем в группе текстов, отражающих ориентацию критика на авторскую (писательскую) интенцию. Необходимость в реципиенте, наиболее остро переживаемая до середины 1990-х гг., похоже, объясняет доминирование я-центричного направления интерпретации «Знамени». Он позволяет привлечь внимание реципиента к личному мнению, способствует самореализации. В конце 1990-х гг. в результате переориентирования критики на аналитику закономерно происходит спад я-центризма и доминирование текстоцентризма.

В журнале «Новый мир» статистика по периодам отличается, но общая динамика повторяется. С начала 1990 по 1996 г. публикуется равное количество аналитико- и прагмаориентированных текстов, а в период с 1997 по 1999 г. количество аналитических текстов резко возрастает. Объяснить обнаруженную динамику можно, обратившись к коммуникативной ситуации, в которой функционирует критика «Знамени» и «Нового мира» этого периода. Прагмаориентированная стратегия оказывается доминирующей в момент осознания критикой наступившего кризиса, в период наиболее острой рефлексии. Переживая ситуацию экзистенциальной неуверенности, опасности «покинутости», критика задействует максимально большое количество средств, ориентированных на успех коммуникации. С течением времени, не разрешившим кризисности, она начинает осваивать новую коммуникативную ситуацию и как следствие – в большей степени задействовать аналитику.

В «Новом мире» в начале 1990-х гг. резко доминирует текстоцентричная критика (количество таких работ на протяжении всего десятилетия равномерно), к середине десятилетия в два раза увеличивается количество автороцентричных текстов, и уже к концу 1990-х количество первых и вторых сравнивается. Для «Нового мира» не актуален рост Я-центризма, резкая смена направления интерпретации, как уже было отмечено, критика этого журнала более аналитична в осмыслении современного литературного бытия и своего места в нем.

Критика «Нашего современника» демонстрирует стратегическую и методологическую однородность вплоть до 1999 г., когда резко повышается количество бездоминантных текстов. На наш взгляд, «спокойное» функционирование критики журнала на протяжении десятилетия объясняется неактуальностью для журнала проблемы кризиса самоидентификации. Журнал позиционирует себя как востребованный печатный орган, подписка на который превышает другие «толстые журналы», не опасющийся утраты своего читателя¹⁸. Смена «ракурсов» в критике «Нашего современника» последовательно проходит три этапа: в 1992–1993 гг. доминирует Я-центризм, в период 1994 – 2000 гг. равно-

актуальны автороцентризм и ориентированность критика на текст/факт. В 2001–2002 гг. публикуются исключительно тексты текстоцентричные.

Рассмотрение опыта интерпретации литературной действительности критиками трех журналов в 1990-е гг. позволяет говорить о принципиальном отличии критики «Нашего современника» от критической практики «Нового мира» и «Знамени». Помимо традиционно отмечаемой идеологической оппозиции между этими журналами существует размежевание гносеологическое, обнаруживающее себя в практике интерпретации и самоинтерпретации, в выборе метода.

Отличаются и деятельностные установки критиков. В «Новом мире», «Знамени» это установка на поиск (интерпретацию литературных явлений, в том числе как иного опыта «вопросания», выживания), в «Нашем современнике» – на оценку соответствия литературного явления утверждаемой идеологии. Это отличие обуславливает разницу в дистанции между критиком и интерпретируемым явлением. «Наш современник» в большей степени дистанцирован от своего объекта, критик говорит от лица группы, оценивает, проверяет на соответствие, находится «над» объектом. В критике «Нового мира» и «Знамени» эта дистанция предельно сокращена, критик «идет навстречу» тексту, к опыту Другого, который «набрасывает» на себя в процессе (само)интерпретации. Истолкование здесь принимает вид вычленения из художественной структуры «ответа» (в виде идеи, жизненного ориентира, судьбы героя как возможного варианта осознанного, (не)истинного бытия). Отсутствие «опоры» в творчестве/жизни писателя, его героя, общая ситуация растерянности в литературе осмысливается «как моя проблема тоже», экзистенциально близкая. Для критика «Нового мира» и «Знамени» Другой «почти тождественен мне», может помочь «мне» понять «меня». Для критика «Нашего современника» Другой – существующий вне меня, близкий или далекий идейно, «свой» или «враг».

Наблюдения за общей динамикой литературно-критического метода/стратегий, его аналитической составляющей позволяют сделать некоторые общие выводы относительно коммуникативной и эпистемологической ситуации и особенности функционирования в ней критики. Обстоятельства коммуникации на протяжении 1990-х гг. менялись, усугубляя потерю важного члена коммуникативного акта (реального читателя). Резкая деформация коммуникативной цепи оборачивается осознанием кризиса, растерянностью критики. По инерции в начале 1990-х гг. критика продолжает работать с массовым сознанием: разрушает мифы, восстанавливает представление об эстетической/гуманистической норме и одновременно использует максимум прагмаориентированных приемов (прагматическая составляющая в методе этого периода доминирует), выстраивая активный диалог с реципиентом. Далее, осваивая новую коммуникативную ситуацию, решая проблему самоидентификации, критика переориентируется с массового читателя на малый круг реципиентов (в большинстве своем профессиональных). Об этом свидетельствует постепенное доминирование аналитической составляющей метода, насыщение текстов терминологией, ориентация на реципиента-соис-

следователя или молчаливого собеседника. Эпистемологически критика качественно меняется: от самопознания она уходит в область познания современной литературной ситуации. Если в середине 1990-х гг. наблюдается общая тенденция рассмотрения того или иного явления в большом контексте литературного процесса, доминирование сравнительно-типологического подхода, то к концу 1990-х (с 1998 г.) контекст сужается до направления (в рамках которого интерпретируются несколько текстов), отдельного литературного явления. Не случайно именно в этот период в «Но-

вом мире» появляются рубрики «По ходу текста», «Борьба за стиль», предполагающие более пристальное прочтение отдельных текстов.

Таким образом, критику трех рассмотренных нами журналов объединяет «познавательная идентичность»¹⁹. При сохранении идеологической компоненты, обуславливающей оппозицию между ними, все три журнала в большей («Новый мир», «Знамя») или меньшей («Наш современник») степени методологически эволюционируют в сторону аналитичности в интерпретации литературной и социальной действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сравним с высказыванием Р. Барта о том, что «критика не есть наука. Наука изучает смыслы, критика их производит» [1. С. 361].
- ² Приходится констатировать, что категория «метод литературной критики» сегодня не наполнена тем определенным теоретическим смыслом, который позволил бы ей быть востребованной в литературоведении и критике. Показательно, что сами критики избегают использовать понятие «метод» либо скептически оценивают его функциональность.
- ³ «Вопрос», «набрасываемый» критиком на литературную действительность, в соответствии с идеями М. Хайдеггера, П. Рикера, характеризует задающего, определяет выбор художественных произведений и вычленимый актуальный аспект их содержания.
- ⁴ Фигуру реципиента В. Брюховецкий делает центральной в своей концепции литературно-критической деятельности: «Критика является структурно сложной относительно самостоятельной деятельностью, в которой элементы художественного и теоретико-научного мышления выполняют подчиненную доминантам коммуникативно-прагматического мышления роль, а объединяются на основе эстетического восприятия» [3. С. 84].
- ⁵ Здесь в качестве теоретической основы используем исследования, осуществленные в рамках теории коокоммуникативных актов и прагматингвистики (Ю. Апресян, Н. Арутюновой, Е. Падучевой, Л. Остина, Д. Сёрла, Т.А. ван Дейка, И. Сусова, Ю. Степанова), а также работы В. Виноградова, Г. Шпета («Мысль и слово»), М. Бахтина, П. Рикера, Ю. Лотмана, А. Пятигорского («Семиотика»), в которых рассматривается intersubъективная природа коммуникации/диалога.
- ⁶ Так, Л. Чернец пишет о том, что критическая интерпретация отличается определенной избирательностью в подходе к произведению [4. С. 48].
- ⁷ В работе Б. Менцель «Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп» читаем: «Такие критерии, как “увлекательно”, “интересно”, “интересно”, “скудно”, “идеологизированно” и так далее, развиваются и передаются как квалифицированные вкусовые суждения» [5]. В своей книге «„Как слово наше отзовется...“ Судьбы литературных произведений» Л. Чернец высказывает мнение о том, что критическая интерпретация произведения имеет субъективные предпосылки. «Подход критика к произведению всегда избирателен и обусловлен его мировоззрением, эстетическим вкусом, жизненным, читательским опытом и пр.» [6. С. 79].
- ⁸ В. Кардин реализует этот прием в статье «Страсти и пристрастия. К спорам о романе Г. Владимова “Генерал и его армия”»: «В общем, немецкому генералу не положено читать Толстого, советскому – рассказывать анекдоты. Такая вот, прошу прощения, концепция» [7. С. 205].
- ⁹ Так, цель А. Агеева-аналитика в статье «Варварская лира. Очерки “патриотической” поэзии» – описание основных компонентов идеологии «патриотов», являющихся порождающим основанием образной системы патриотической лирики («...мне хочется понять и объяснить сам ее (патриотической лирики. – Ю.Л.) порождающий принцип» [8. С. 222]; «я хочу узнать: всегда ли чисты источники, из которых черпают поэты свою творческую силу?» [8. С. 222]), предполагает фиксирование дефектов в искомой идеологии. Тем самым реализуется прагматическая цель – «заражение» реципиента собственной иронической оценкой патриотической поэзии, неприятием провозглашенных идеологов.
- ¹⁰ А. Якимович в статье «Эсхатология смутного времени» последовательно рисует негативный портрет носителя неверного варианта осмысления понятия «эсхатология», помещая его сразу после приведенных примеров нормы. Это человек с «оплошненным сознанием», итог «шариковизации» человека в советскую эпоху, «промежуточное существо, которое выражается неупадом», «поступают точно так же, как персонаж Булгакова, который, почитав книжку Каутского, без долгих раздумий определил, что там “одна контрреволюция”» [9]. Контраст должен усилить негативность портрета и сформировать читательское отторжение к идентифицированию с ним.
- ¹¹ Объектом критического исследования становятся идеологическое мышление (привычка к вычитыванию идеологического содержания (например, в статье А. Немзера «Сила и бессилие соблазна», 1991), травмированное органическое сознание («патриотов» (А. Агеев «Варварская лира», 1991), восприятие быта как пошлости (Н. Иванова «Неопалимый голубок», 1991), трансформированное понимание эсхатологичности (А. Якимович «Эсхатология смутного времени», 1991). Во всех названных статьях эксплицирована альтернативная истинная ценностная координата.
- ¹² Критика фиксирует такие «болезни» современного сознания: привыкание к игре как способу ухода от реальности (С. Носов «Литература и игра», 1992), понижение ценности классики (В. Камянов «Игра на понижение», 1993), архивизм (А. Пурин «Архивисты и новаторы», 1994), иждивенчество, прутковщина, несвобода (С. Рассадин «Освобождение от свободы», 1995), схематизм в осмыслении прошлого и настоящего (И. Дедков «Между прошлым и будущим», 1991), мифологичность сознания (А. Агеев «Бесъ борьбы», 1996; И. Стрелкова «Страсти по классике», 1994), страсть к отрицаниям как примета постидеологического сознания (В. Потапов «Схватка с Левниафаном», 1991; В. Артемов «Гусли барда», 1993), распространение русофобии (И. Стрелкова «О живой и мертвой воде», 1991). «Болезни», дефекты общественного сознания критика «Нашего современника» связывает с действиями враждебных политических сил.
- ¹³ Так, С. Носов «вирусу игрового мировосприятия» противопоставляет классику, творчество Л. Толстого, Достоевского: «<...> искания русской классической литературы в целом были порывом к истинной жизни сквозь “мишуру” цивилизации, сквозь “суету” поддельного существования, в которое представлялось погруженным человечество» [21. С. 232]. В статье В. Камянова классика мыслится как особый тип мышления, который «никогда не приближается к нулевой отметке, ибо капитальные “почему?” и “зачем?” маячат у каждого из этих писателей – за ближним порядком мыслей», потому что писатель-классик «отмеряя минуты, помнит о немеренном времени; частные обстоятельства сопрягает с универсальным “обстоятельством” – жизнью <...>» [22. С. 240]. Свободу и ответственность классики С. Рассадин противопоставляет жизненным ориентирам молодого поколения 1980-х [18]. В статьях анализируемой группы классика становится постоянным носителем ценного и критерием в квалифицировании того или иного явления/лица как «своего» или «чужого»/враждебного.
- ¹⁴ Черты сознания современника, угадываемые критиком: эсхатологичность (М. Эпштейн «Эсхатология смутного времени», 1991), вживание в ситуацию пограничного бытия (А. Немзер «Двойной портрет на фоне заката», 1993), кризис идентичности (Н. Иванова «После», 1996), выпадение исторической памяти, безпорочность (В. Камянов «В тесноте и обиде, или “Новый человек” на земле и под землей», 1991; И. Роднянская «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком “новой жестокости”», 1997), фантомность, мифологичность сознания (А. Архангельский «“Гей, славяне!” Черты исторического самосознания на сломе эпох», 1995), утрата веры в высшие смыслы, утрата цельности и ценностей, постмодернистское мировосприятие, тоска по реальности (К. Степанян «Реализм как заключительная стадия постмодернизма», 1992; «Назову себя цвайшпацирен?», 1993; «Кризис слова на пороге свободы», 1999), неуверенность в будущем, застигнутость, неопреде-

- ленность, неизвестность, нереализованность (О. Дарк «Принесенные в жертву», 1998), бегство от современности (А. Немзер «В каком году – рассчитывай...», 1998).
- ¹⁵ Статьи В. Артемова «Гусли барда» (1993), И. Соловьевой «Дай мне ярости святой!..» (1993), Т. Глушковой «Вторая трагедия» (1993).
- ¹⁶ Например, статьи М. Гаврюшина «Исповедь дочери века, или раба любви!» (2000) (размышления о книге Лидии Шевяковой «Очень интересный роман»), Н. Переяслова «Дочитавший же до конца – спасется (несибирская проза Сергея Сибирцева и прогноз развития русской литературы на начало третьего тысячелетия)» (2001), И. Кириллова «Границы мира. О прозе Михаила Ворфоломеев» (2001), Б. Агеева «Человек уходит...» (2002) (мотив Конца Света в повести Евгения Носова «Усвятские шлемоносцы»).
- ¹⁷ В конце 1990-х гг. (конец 1996–1999 гг.) критика переориентирует свой аналитический потенциал на поиск скреп в современном литературном пространстве, анализ новых литературных явлений/имен. Доминировать начинает принцип типологии. В пестром «литературном пейзаже» критики обнаруживают общие жанровые, эстетические, мировоззренческие сближения, некоторые тенденции: явление ассоциативной поэзии (А. Уланов «Медленное письмо» (Знамя. 1998. № 8)); трансметареализма (Н. Иванова «Преодолевшие постмодернизм» (Знамя. 1998. № 4)); отечественного постмодернизма, демонстрирующего черты кризиса (М. Липовецкий «Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе» (Знамя. 1999. № 11)); «молчание» как принципиальную черту поэтики метафористов (Д. Бавильский «Молчания» (Знамя. 1997. № 12)); проявление кризиса в драматургии (А. Злобина «Драма драматургии» (Новый мир. 1998. № 3)) и т.п.
- ¹⁸ См., например, высказывание С. Куныева в журнале «Топос» в интервью «Финансовое положение толстых литературных журналов» (2003. № 3): «В 90-м году, когда тираж был почти 500 тысяч, мы получали 12 тыс. писем в год. Начиная с 90-го года почта сократилась в 10 раз. А подписка уменьшилась раз в 40. Это означает, что читателей у нас больше, нежели подписчиков».
- ¹⁹ Понятие, которое предусматривает рассмотрение познающего субъекта в динамике («сохранение единства и целостности познающего субъекта <...> и его саморазвитие в процессе реализации познавательных практик» [13. С. 376]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Гадамер Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
3. *Брюховецкий В.* Критика как мышление и деятельность // Русская литература. 1984. № 4.
4. *Чернец Л.* О формах интерпретации литературных произведений // Художественное восприятие: проблемы теории и истории: Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калинин, 1988.
5. *Менцель Б.* Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ment-pr.html>
6. *Чернец Л.* «Как слово наше отзовется...» Судьбы литературных произведений. М., 1995.
7. *Кардин В.* Страсти и пристрастия. К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Знамя. 1995. № 9.
8. *Агеев А.* Варварская лира. Очерки «патриотической» поэзии // Знамя. 1991. № 2.
9. *Якимович А.* Эсхатология смутного времени // Знамя. 1991. № 6.
10. *Критика: последний призыв.* Анкета. // Знамя. 1999. № 12.
11. *Арбитман Р.* Долгое прощание с сержантом милиции // Знамя. 1995. № 7.
12. *Дарк О.* Принесенные в жертву // Знамя. 1998. № 12.
13. *Новиков В.* Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999.
14. *Камянов В.* В тесноте и обиде, или «новый человек» на земле и под водой // Новый мир. 1991. № 12.
15. *Костырко С.* Чистое поле литературы. Любительские заметки профессионального читателя // Новый мир. 1992. № 12.
16. *Иванова Н.* Неопалимый голубок // Знамя. 1991. № 8.
17. *Липовецкий М.* Совок-блюз // Знамя. 1991. № 9.
18. *Рассадин С.* Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11.
19. *Дедков И.* Между прошлым и будущим // Знамя. 1991. № 1.
20. *Пурин А.* Архивисты и новаторы // Новый мир. 1994. № 11.
21. *Носов С.* Литература и игра // Новый мир. 1992. № 2.
22. *Камянов В.* Игра на понижение. О репутации «старого искусства» // Новый мир. 1993. № 5.
23. *Немзер А.* В каком году – рассчитывай // Знамя. 1998. № 5.
24. *Немзер А.* Двойной портрет на фоне заката // Знамя. 1993. № 12.
25. *Немзер А.* Что? Где? Когда? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путеводителя // Новый мир. 1998. № 10.
26. *Немзер А.* Несбывшееся. Альтернативы истории в зеркале словесности // Новый мир. 1993. № 4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 ноября 2009 г.